

ЧЕЛОВЕК И ИСТОРИЯ: ВЕРСИЯ РУССКОГО КОСМИЗМА

А.Г. Гачева
ИМЛИ РАН

Доклад посвящен результатам исследования, выполненного автором в ИМЛИ РАН при поддержке Российского научного фонда (РНФ), проект № 17-18-01432.

Антропологические и историософские идеи представителей русского космизма не раз становились предметом исследовательского внимания, будучи рассмотрены и самостоятельно, и в контексте разработки отдельных аспектов ноосферной, космической мысли: этических, эстетического, педагогического, экологического и др. [1; 4; 5; 6; 7–11; 13]. Выработанное в лоне философии космизма представление о человеке как существе, в котором природа приходит к самосознанию, «начинает не только сознать себя, но и управлять собою» [12, Т. 2, С.239], порождает образ истории как поприща созидательного, преобразующего мир действия. У Н.Ф. Федорова, Н.А. Умова, К.Э. Циолковского, В.И. Вернадского разум, соединенный с творческой способностью, неразрывный с нравственным чувством и памятью, видится силой, сопротивляющейся энтропии, увеличивающей «стройность» в природе; он выступает строителем ноосферы, нового, творчески организованного состояния биосферы [9, С.121–123, 288, 308–310]. История человечества не отрывается от истории природы, предстает как органическая ее часть. Более того, сфера исторического действия неуклонно расширяется, захватывая сначала планету, затем околоземное и околосолнечное пространство и в перспективе – всю Вселенную. Человеческий труд осознается как инструмент планетарно-космического преобразования, основа «организации мировоздействия». При этом человек, по мысли космистов, должен не просто освоить Землю, а затем космические дали. Его задача – через «регуляцию» внести в природу нравственный закон [12, Т. 2, С.239], утверждать и осуществлять «этику космоса», которая состоит в том, «чтобы не было нигде никаких страданий» [14, С.185].

Принципиальное новаторство антропологии космизма в том, что она представляет человека не только созидателем «второй природы», строителем цивилизации, техники, культуры, но и творцом и «архитектором» своего собственного организма. Более того, космизм не просто требует гармонии между развитием духовного и телесного начал, восстанавливая на новом витке античный идеал калокагатии, но радикально расширяет само представление о совершенстве и путях к

нему, вводя понятия «полноорганности», «органического прогресса», «психо-физиологической регуляции» [10, С.212; 12, Т. 1, С.281–282, 301–302], задавая вектор движения от *homosapiens* к *homosapiensexplorans* и *homocreator* и далее к *homoimmortalis*. Соответственно и история, творимая растущим, преображающим свою природу человеком, движется от «истории как факта» к «истории как проекту» и далее к «истории как акту», воплощающему «конечный идеал» [12, Т. 1, С.138–142]. Характерный для представителей космической мысли примат должного над сущим, взгляд на человека и историю под знаком полноты блага рождает резкую критику ложных путей современного мира, «цивилизации эксплуатирующей, но не восстанавливающей», войны как проявления антиноосферных тенденций [3, С.200–202, 308, 310], разрозненности человечества, соблазняющегося «дробными идеалами», науки, служащей торгово-промышленному строю общества и забывающей о служении жизни.

Тесную связь оправдания человека и оправдания истории являет христианский космизм. Мысль о человеке, «прославляющем» Творца «своей творческой динамикой в космосе» [2, С.93], становится здесь опорой концепций «активного христианства», истории как «работы спасения», поля встречи Бога и сотворенного им человечества, их синергического, принципиально равноправного действия, критерием которого выступает единство двух природ и двух волей во Христе.

Особый интерес представляют модели человека и истории, развитые в художественном космизме, где они получают не дискурсивно-логическое, а ассоциативно-образное развитие. Здесь строятся идеальные модели человека, действующего в природе и истории. С другой стороны, литература XIX–XX вв., развивавшаяся в лоне идей космизма, демонстрирует срывы и тупики истории, кризис человека, катастрофические последствия дисбаланса между развитием духовного и физического естества, когда «умственной природе» уступает «телесная», приводя к вырождению и вымиранию. Особый случай синтеза художественных и философских версий учения о человеке и истории представляют литературно-философские опыты самих философов-космистов.

Литература

1. *Алексеева В.И.* Космизм о мире, человеке и обществе. М.: Луч, 2012. 576 с.
2. *Бердяев Н.А.* Смысл творчества // Бердяев Н.А. Философия творчества, культуры и искусства: В 2 т. Т. 1. М.: Искусство, 1994. С. 37–341.
3. *Вернадский В.И.* Публицистические статьи. М.: Наука, 1995. 315 с.

4. *Звонова Е.Е.* Философско-антропологические воззрения А.Л. Чижевского. М.: Макс-пресс, 2014. 164 с.
5. *Казютинский В.В.* Космическая философия К.Э. Циолковского в контексте русского космизма // Циолковский К.Э. Космическая философия. М.: Эдиториал УРСС, 2001. С. 403–427.
6. *Мапельман В.М.* Космическая этика К.Э. Циолковского // Там же. С. 370–386.
7. *Оносов А.А.* Культурно-эволюционная деонтология: социальные проекции русского космизма. М.: МГУ, 2006. 146 с.
8. *Плеханов Е.А.* Педагогика русского космизма. Владимир: ВГПУ, 2004. 184 с.
9. Русский космизм: Антология философской мысли. М.: Педагогика-пресс, 1993. 368 с.
10. *Семенова С.Г.* Философ будущего века – Николай Федоров. М.: Пашков дом, 2004. 584 с.
11. *Соловьев В.С.* Сочинения: В 2 т. М.: Мысль, 1988. 895 с.; 824 с.
12. *Федоров Н.Ф.* Собр. соч.: В 4 т. М.: Прогресс-Традиция, 1995–2000.
13. *Хайруллин К.Х.* Философия космизма. Казань: Дом печати, 2003. 370 с.
14. *Циолковский К.Э.* Очерки о Вселенной. Калуга: Золотая аллея, 2001. 384 с.